

§7 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Константинов М. С.

ФАШИЗМ: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ*

***Аннотация.** Целью данной работы является уточнение, конкретизация и операционализация признаков фашистской идеологии для последующего социологического исследования. Для реализации поставленной цели автор обращается к классическим исследованиям фашизма в работах Роджера Гриффина, Стэнли Дж. Пейна, Роджера Итуэлла, Эмилио Джентиле, Александра Галкина и др. По мнению автора статьи, главной проблемой исследований в рассматриваемой предметной области является отсутствие чётких критериев идентификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии. Эклектичность и размытость правого радикализма, его способность сочетать несовместимые идеи затрудняют проведение конкретных социологических исследований потенциальной социальной базы фашистских движений. Как полагает автор статьи, решением названной проблемы может стать использование метода идеологической морфологии, предложенного британским учёным Майклом Фриденом. В соответствии с данным подходом, в фашистской идеологии выделяются два базовых концепта (идея посткризисного революционного возрождения и радикальный ультранационализм), смежные понятия (негативное отношение к либерализму и консерватизму, «творческий нигилизм», антиэлитаризм, холизм, акцент на действии, маскулинность и др.), а также периферийные концепты (культ личности, вождизм, парамилитаризм и др.). Столь чётко определённая структура фашистской идеологии позволяет операционализировать её концепты для социологического исследования.*

***Ключевые слова:** политические идеологии, морфология идеологий, концепт, идеологема, правый радикализм, фашизм, ультранационализм, массовые движения, массовое сознание, операционализация понятий.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи Ростовской области», проект № 14–03–00302а.

Осложнение российско-украинских отношений привело к тому, что в последние месяцы в публицистике, в СМИ, в сети Интернет, в публичных выступлениях политиков всё чаще можно встретить термин «фашистский», которым оппоненты характеризуют друг друга¹. Столь ёмкие и эмоциональные характеристики вполне объяснимы, если учитывать два аспекта. Во-первых, и Украина, и Россия являются странами, наиболее пострадавшими от фашизма, и их коллективная память до сих пор сохраняет настороженное отношение к любым проявлениям этой идеологии. В таком контексте термин «фашистский» скорее выступает в роли инвективы, чем содержательной характеристики. С другой стороны, многие исследователи сегодня отмечают действительный рост поддержки праворадикальных партий и движений, что приводит к увеличению их влияния на политику европейских и других стран [см., например: 4, p. 8]. Эти тенденции не могут не вызывать беспокойства и, в целом, настороженность отечественных интеллектуалов и политиков понятна.

Но есть и другая сторона проблемы. Содержание понятия «фашизм», равно как и критерии идентификации фашистской идеологии долгое время оставались дискуссионными и использовались спекулятивно [см., например: 5, с. 2–3]. И если в западных исследованиях после публикаций работ Роджера Гриффина [см., например: 6], Стэнли Дж. Пейна [7], Роджера Итуэлла [см., например: 8] и др. удалось достичь

¹ Пожалуй, наиболее яркий пример этой риторики — квалификация Всеукраинского объединения «Свобода» в качестве неонацистской партии. К такому выводу приходит, например, профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН А. И. Миллер [см.: 1]. Украинские же исследователи настаивают на том, что партию Олега Тягнибока нельзя однозначно идентифицировать как фашистскую, поскольку лишь часть её электората ультранационалистически мотивирована, и эта часть не имеет существенного значения для будущей эволюции данной партии [см., например: 2; 3].

некоторого консенсуса в трактовке данного понятия, то в отечественной науке эта проблема до сих пор не решена². Отсутствие чётких критериев квалификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии затрудняет проведение конкретных социологических исследований, которые позволили бы выявить степень распространения этих идей и социальную базу потенциального фашистского движения. В результате складывается опасная ситуация, когда научные исследования не имеют прогностической силы и вынуждены фиксировать распространение фашистской идеологии уже «по факту», по тем эксцессам, которые являются результатом, а не причиной данного феномена³. Тем более в сложной ситуации оказываются государственные органы по профилактике и противодействию экстремизму и радикализму. Поэтому крайне важным представляется уточнение, конкретизация и операционализация для социологического исследования того комплекса идей, который следует признавать фашистским.

² Краткий обзор российских научных исследований, посвящённых данной теме, с соответствующими выводами см.: 5, с. 2–6.

³ См., например, публикации Информационно-аналитического центра «Сова», в которых на систематической основе отслеживаются проявления праворадикальных, ультранационалистических идей, расизма и ксенофобии в России. Важность этих исследований трудно переоценить, однако они носят скорее диагностический характер и не всегда фиксируют скрытые тенденции. Грубо утрируя: методологически проблема социологических исследований в данной области заключается в том, что включённое наблюдение требует слишком больших ресурсов, а социологический опрос не всегда способен выявить потенциальных (а не актуальных) носителей праворадикальных идей, поскольку опрашиваемые индивиды сами не осознают себя в качестве таковых; они могут даже стесняться своих взглядов и потому скрывать их, а квалификацию их в качестве фашистских сочтут оскорблением. Поэтому необходимы более тонкие исследовательские инструменты, способные выявить профашистские взгляды на уровне мировоззрения, до того, как они сложатся в идеологию и выплеснутся в публичную политику в рамках массового движения.

Решение поставленной задачи осложняется пресловутой «гибкостью» фашистских идеологий, нередко способных сочетать несовместимые идеи. На «беспрецедентный эклектизм» фашизма обращал внимание, в частности, авторитетный отечественный исследователь А. А. Галкин: он отметил, что в этой идеологии сочетаются идеи аристократизма и «народности», национализма и наднациональной общности фашистов, антикапитализма и созидательного характера капитала, автаркии и единого европейского рынка, расистской кастовости и народной общности, презрения к массе и воспевание человека труда и т.д. [9, с.283]. Этот эклектизм усложняет задачу экспликации некоего общего ядра фашистской идеологии. Методологически эту проблему очень ёмко выразил Стэнли Джордж Пейн: «... Сведение всех возможных фашизмов к одному-единственному родовому феномену с полностью совпадающими характеристиками неточно, в то время как совершенно номиналистический подход, настаивающий на существенных отличиях между радикальными националистическими движениями в межвоенной Европе, хотя и верен в узко техническом смысле..., имеет противоположный дефект игнорирования характерных отличительных черт» [7, р.462]. В связи с этим в исследованиях фашизма получила распространение методология идеальных типов М. Вебера, позволяющая фиксировать «родовые» признаки фашизма, независимо от многообразия конкретных его проявлений.

Такой методологии, в частности, следует профессор исторического факультета университета «Оксфорд Брукс» (Oxford Brookes University) Роджер Гриффин. Используя веберовскую методологию, он попытался определить «идеальный тип», «родовую сущность» фашизма. В своей ставшей классической работе «Сущность фашизма» Роджер Гриффин предложил следующее определение: «Фашизм — это вид политической идеологии, мифическое ядро которой в его различных модификациях есть палингенетическая форма по-

пулистского ультрационализма» [6, pp. 26, 44]. Таким образом, основу фашистской идеологии, согласно Р. Гриффину, составляют два базовых концепта: миф о возрождении (палингенетический миф) и популистский ультрационализм.

Концепт палингенезиса может находить своё выражение в самых разнообразных идеологемах. Р. Гриффин приводит в пример концепцию «Третьего Рима», идеологема «расвета новой эры», «нового человека», сценарии планетарной катастрофы в политической философии «зелёных» и даже мечту Джорджа Буша о «Новом мировом порядке». Из утопических мечтаний о «возрождённой Европе» возникло Европейское экономическое сообщество, ставшее впоследствии одной из трёх «опор Европейского Союза». Представлениями о «восстановлении эволюционного пути развития России», якобы, прерванного революцией 1917 г., руководствовались реформаторы 1990-х гг. Собственно, сама революция 1917 г. была глубоко палингенетическим событием, осознаваемым как «новое начало», приходящее на смену «до основанья разрушенного старого мира».

Как разъясняет Р. Гриффин, «в основу палингенетического политического мифа положена вера в то, что современники уже переживают или собираются пережить „преображение“, „водораздел“ или „поворотный момент“ в историческом процессе» [6, р.35]. Содержательно палингенетический миф связан с идеей революционного преобразования общества. Однако термин «революция» трактуется не в его первоначальном значении — как возвращение к идеализированному прошлому, что имело место в циклическом видении истории, — но в «радикально не-реставрационном смысле „второго рождения“, происходящего после периода ощущаемого упадка» [6, р.36]. Тем самым палингенетический миф воспекает «новое начало» или «возрождение» после кризиса. Крайне характерной для этого мифа является идеологема мессиански осмысленного «нового человека» — «политизированная

версия типичного „мифа героя“» [6, p. 35]. Воздизм и культ личности, традиционно приписываемые фашистской идеологии, на самом деле не являются её атрибутами, хотя и вытекают из идеологемы о «новом человеке».

Вторым базовым концептом фашистской идеологии является популистский ультранационализм. Палингенетический миф содержится во многих версиях идеологий, не имеющих отношения к фашизму. Только комбинация обоих концептов специфицирует идеологию в качестве фашистской. Термин «популистский» означает опору на массу, на «власть народа», как способ легитимации элит или революционных «авангардов». Термин «ультранационализм» близок по смыслу к «интегральному» или «радикальному» национализму и означает ту форму национализма, которая последовательно отрицает либеральные институты и гуманистическую традицию Просвещения. Тем самым «популистский ультранационализм» отказывается от принципов как абсолютизма, так и плюралистического представительного правления: «В веберовских терминах он [популистский ультранационализм] отвергает и „традиционные“, и „легальные/рациональные“ формы политики в пользу превалирования „харизматических“ форм, в которых сплочённость и динамизм движений зависят почти исключительно от способности их лидеров стимулировать лояльность и действие» [6, p. 37].

Популистский ультранационализм связан с понятием нации «как „высшей“ расовой, исторической, духовной или органической реальности, которая охватывает всех членов этического сообщества, которые к нему принадлежат» [6, p. 37]. «Нация», воспринимаемая как некий естественный порядок, нуждается в защите от «загрязняющих» её элементов, таких как: смешение рас, иммиграция, анархические склонности, непатриотическая ментальность, либеральный индивидуализм, интернациональный социализм, а также тенденции, развязанные «современным» обществом («восстание масс», крушение мораль-

ных ценностей, нивелирование социальных различий, космополитизм, феминизм и т.д.).

Именно соединение в единое идеологическое ядро двух названных концептов специфицирует фашизм и придаёт ему мощную энергию для мобилизации масс: «В определённых условиях фашистское представление о сильной новой нации, вырастающей из разрушения старой системы, может вызвать в восприимчивых умах почти волшебную способность преобразовать безысходное отчаяние в безумный оптимизм и тем самым позволить партии, продвигающей такое представление, завоевать массу последователей» [6, p. 39]. Именно поэтому фашизм крайне неустойчив в политическом плане: существуя только в условиях глубокого кризиса, он неспособен обеспечить приемлемую социальную стабильность; он может только поддерживать движущий его импульс и сплочённость, «постоянно ускоряя события, которые, казалось бы, осуществляли обещание непрерывной революции продолжающегося палингенеза» [6, p. 40]. Тем самым фашизм оказывается обречён на перманентное воспроизводство кризиса, который только и может быть условием его собственного существования. Этим же обусловлена и необходимость использования тотальной пропаганды и социальной инженерии с целью прикрыть расширяющийся разрыв между утопическими обещаниями и действительностью [6, p. 43].

К менее значимым характеристикам «идеального типа» фашизма относятся следующие [см.: 6, pp. 46–50]:

- «творческий нигилизм» как сочетание культурно-исторического оптимизма, — веры в возрождение и очищение нации, — с опорой на насилие и разрушение, когда эта вера не оправдывается реальными событиями;

- «альтернативный модернизм» — фашизм стремится к созданию нового типа общества, заимствуя социально-культурные образцы из прошлого лишь в качестве предпосылки национального возрождения, а не дублирования этих образцов в настоящем.

В этом и состоит одно из важнейших отличий фашизма от консерватизма;

- революционный радикализм как способ достижения идеалов национального возрождения;

- примордиалистское понимание нации. Биологический расизм не является атрибутивным признаком фашизма и зависит от целого ряда факторов внешней среды: предшествующей традиции ксенофобии, расовой дискриминации и т.д. Однако, в целом, фашизму свойственно отрицание культурного плюрализма и многоэтнических обществ, что говорит о его крайнем национализме, не обязательно связанном с антисемитизмом и геноцидом;

- империализм также не является атрибутом фашизма. Несмотря на то, что исторически существовавшие формы фашизма были империалистически ориентированы, Р. Гриффин не считает связь между возрождением национального сообщества и потребностью в увеличении его «жизненного пространства» посредством завоеваний. В частности, он указывает на то, что главная тема современного фашизма — «Европа наций» [6, p. 49].

- антиконсерватизм, антилиберализм, антисоциализм.

Таким образом, уже в начале 1990-х гг. Р. Гриффином была предложена модель, позволяющая достаточно чётко идентифицировать фашистскую идеологию. Очень схожую концепцию предложил российский исследователь А. А. Галкин¹. Согласно его определению, «фашизм — это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь

с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив всё то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия» [10, с.10].

К признакам фашизма, позволяющим идентифицировать его современных адептов, А. А. Галкин относит следующие: — крайний антикоммунизм; — шовинизм и расизм; — склонность к конспиративным теориям, позволяющим завоевать массы; — апологетика «сильной (антидемократической) власти»; — империализм [9, с.351].

Ряд ценностей фашизм заимствует у традиционного консерватизма: — пренебрежительное отношение к личности, представление о греховности человеческой природы, из которого вытекает требование «жесткой руки» и тотального контроля в управлении людьми; — недоверие к разуму, чрезмерное упование на который провозглашается главным источником бедствий; — оценка нации как основной ячейки и движущей силы общественного устройства, стремление свести историю к межнациональным отношениям [10, с.12]. Как специально оговаривается А. А. Галкин, ни одна из перечисленных ценностей сама по себе не является фашистской, равно как их простая совокупность так же не определяет фашистскую идеологию. Однако все фашистские идеологии включали перечисленные элементы, поэтому могут использоваться для идентификации этой идеологии.

Не менее важна мысль А. А. Галкина об отличии техверсий фашизма, которые получили развитие в России. Учёный выделяет два основных идеологических течения в российском профашистском лагере: — западническое, подчёркивающее свою принадлежность международному фашизму; и — почвенническое, избегающее идентификации с фашизмом и акцентирующее идею самобытного развития России. Именно второе течение А. А. Галкин полагает наиболее опасным, поскольку оно не подражает прошлому, но пытается найти новые формы воплощения фашистских

¹ На схожесть концепций Р. Гриффина и А. А. Галкина обращает внимание, в частности, А. Умланд. А. А. Галкин, по мнению А. Умланда, «совершил для России то, что сделал Гриффин в рамках своих исследований фашизма для Запада несколькими годами раньше. Не будучи на тот момент знакомым с гриффинской формулировкой о „палингенетическом ультра национализме“, Галкин объединил свои предыдущие оценки фашизма в сжатой дефиниции „правоконсервативный революционаризм“... Подход Галкина схож с проектом Гриффина как по своей интенции, так и по существу» [См.: 5, с.4].

идей, с учётом современной политической проблематики [10, с.15].

Прежде, чем сделать выводы, вырисовывающееся концептуальное ядро фашизма следует дополнить результатами ещё нескольких исследователей. Известный итальянский историк Эмилио Джентиле выделил десять ключевых элементов идентификации фашизма:

- массовое движение, основывающее свою идентичность на чувстве товарищества, связывающее себя с миссией национального возрождения и имеющее целью установление «нового» антипарламентского режима;

- «антиидеологическая» и прагматическая идеология, провозглашающая себя антиматериалистической, антииндивидуалистической, антилиберальной, антидемократической, антимарксистской, является популистской и антикапиталистической в тенденции; эта идеология выражает себя более эстетически, чем теоретически, с помощью нового политического стиля и мифов, обрядов и символов; она выступает в роли мирской религии, призванной интегрировать массы с целью создания «нового человека»;

- культура основана на мистицизме и трагическом активизме, на превознесении милитаристской политики как модели жизни и коллективной деятельности;

- тоталитарная концепция примата политики в виде полного слияния личности и массы в мистическом единстве нации как этнического и морального сообщества; дискриминация «врагов» нации или режима;

- гражданская этика основана на тотальной приверженности национальному обществу, на дисциплине, мужественности, духе товарищества и воинства;

- одна партия, имеющая своей задачей обеспечение вооружённой защиты режима, отбора руководящих кадров и организации масс внутри государства;

- полицейский аппарат, предупреждает, контролирует и подавляет инакомыслие и оппозицию посредством организованного террора;

- политическая система организована иерархически и увенчана фигурой вождя, наделённого сакральной харизмой, который направляет и координирует деятельность партии и режима;

- корпоративная организация экономики, которая подавляет профсоюзы, расширяет сферу государственного вмешательства и добивается на основе принципов технократии и солидарности сотрудничества с «секторами производства» при сохранении частной собственности и классового расслоения;

- внешняя политика вдохновляется мифом о национальном могуществе и величии с целью империалистической экспансии [приводится по: 7, pp. 5–6].

Не меньшего внимания заслуживает концепция Стэнли Дж. Пейна, сформулированная им ещё в 70-х гг. и получившая своё завершение в работе «История фашизма», которая считается одной из лучших по данной теме. Ст.Дж. Пейн определяет фашизм как «форму революционного ультраационализма, выступающего за национальное возрождение, основанного на виталистской философии, включающего крайний элитизм, массовую мобилизацию и принцип вождизма, положительно оценивающего насилие, а значит, склонного к нормализации войны и/или воинских добродетелей» [7, p. 14]. Соответственно этому определению, типологическое описание фашизма, согласно Ст.Дж. Пейну, включает в себя три группы характеристик:

- идеология и цели фашизма: национализм, положительная оценка войны, империализм, корпоративизм;

- что отрицается фашизмом: либерализм, коммунизм, консерватизм;

- стиль и организация: массовое милитаризованное движение, акцент на эстетике, широкое использование символики, превознесение мужественности, органическое представление об обществе, высокая оценка роли молодёжи, подчёркивание конфликта поколений, тяготение к авторитарному, вождистскому стилю управления [7, p. 7].

Однако по мнению Роджера Итуэлла, в рассмотренных концепциях содержится несколько недостатков, которые не снижают эвристической ценности этих подходов, но приводят к неверному расставлению акцентов. Так, одной из проблем подхода Ст.Дж. Пейна является его трактовка идеологии, в которой выделяются частные детали и при этом упускается важность анализа базовых концептов, связывающих идеологию в единое целое [8, p. 309]. То есть, проблема частного и общего, о которой говорилось выше, Ст.Дж. Пейном решается неудовлетворительно. С этим связан и второй недостаток — акцент на том, что отрицается фашизм. Как утверждает Р. Итуэлл, такое отрицание не специфицирует фашизм как политическую идеологию и использовалось скорее в пропагандистских войнах с другими идеологиями за «место под солнцем». И, наконец, Ст.Дж. Пейн в своих исследованиях сосредоточился на межвоенном фашизме и его модель не может быть универсализирована, поскольку не учитывает особенности послевоенного фашизма.

Ряд критических замечаний Р. Итуэлл высказал и в адрес концепции Р. Гриффина. По его мнению, акцент, который Р. Гриффин делает на мифологических основаниях фашизма, преуменьшает рациональную сторону этой идеологии. Определение идеи возрождения в качестве центральной стирает различия между идеологией и пропагандой. Термин «популизм» не имеет чётких критериев и т.д. Поэтому Р. Итуэлл предлагает своё определение фашизма и четыре критерия его идентификации. Под фашизмом он понимает «идеологию, которая борется за социальное возрождение на основе *холистски-националистического радикального Третьего пути*, хотя на практике фашизм, как правило, делает больший акцент на стиле (особенно на действиях и харизматичном лидере), чем на детальной программе, и участвует в манихейской демонизации своих врагов» [8, p. 313]. В соответствии с этим определением, критериями фашистской идеологии

Р. Итуэлл полагает следующие: — вера в разделение мира по национальному признаку; при этом господствующей формой является культурный национализм, а не биологический расизм; — холистское представление о том, что целое больше своих частей, а коллектив доминирует над частными правами и интересами; — стремление создать новую политическую культуру, альтернативную форму современности посредством мобилизации и насилия; — попытка найти «третий путь», сочетающий положительные черты капитализма (частная собственность, динамизм развития) и социализма (заботу о сообществе и благосостоянии).

Вероятно, под давлением подобной критики Р. Гриффин обратился к методу «идеологической морфологии», предложенной Майклом Фриденом [см.: 11], что позволило лучше структурировать концептуальную модель фашизма. Однако это обращение было связано также с определённой идеологической и организационной трансформацией самого послевоенного фашизма — в «постфашистскую эпоху». Вместо массовых движений и партий, фашистская идеология облекается теперь в организационные формы ризоматического типа — группускулы¹. Поэтому характеризовать данное явление как популистское уже не приходится [13, pp. 192–194]. В связи с этим возникает необходимость говорить о «новом лице фашизма» [13, p. 194], корректировать и развивать его концептуальную модель.

¹ Группускулы характеризуются организационной автономностью, сочетаемой со способностью к объединению, что позволяет им образовывать неиерархическое многоцентровое движение с подвижными границами. «В контексте современной правоэкстремистской политики, — поясняет Р. Гриффин, — группускулы в сущности представляют собой небольшие политические образования..., стремящиеся к реализации палингенетических... идеологических, организационных или активистских задач; их конечной целью является преодоление предполагаемого упадка существующей либерально-демократической системы» [См.: 12, с. 227].

Итак, в соответствии с методологией М. Фридена, Р. Гриффин выделяет *определяющие*, «неустранимые элементы» фашизма, *смежные* с этими элементами понятия и *периферийные* (случайные, зависящие от внешней среды, в которой развивается фашистская идеология). Базовые концепты остаются почти неизменными — палингенетический миф и ультранационализм, который уже не характеризуется как популистский.

К смежным понятиям относятся:

- антилиберализм (либерализм и, в частности, либеральный индивидуализм, космополитизм и аморализм, рассматривается как одна из главных причин кризиса современного общества; в связи с необходимостью очищения общества от «скверны либерализма» отрицаются конституционные процедуры, плюрализм и гуманизм);
- антиконсерватизм (связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом);
- антиматериализм и антирационализм («идеализм» рассматривается как потребность в утопических целях и мифах; акцентирование воли, духа, чувственности; «творческий нигилизм», сочетаемый с опорой на насилие и разрушение как средство очищения нации и преодоления кризиса);
- национал-социализм (стремление преодолеть классовые различия в рамках национального единства);
- различные формы расизма (возвеличивание «своей» расы и её исторической судьбы либо отрицание культурного плюрализма и полиэтнических обществ);
- маскулинность (возвеличивание «мужских» принципов героизма, милитаризма и дисциплины).

В (нео) фашизме появляются и новые понятия, отражающие проблематику последних десятилетий. К ним относятся: борьба за национальное или этническое возрождение в международном и/или наднациональном контексте («Европа наций»); метаполити-

зация фашизма — борьба за восстановление уникальной этнической и национально-культурной специфики, якобы размываемой глобализацией; идеологическая гибкость фашизма, обусловленная его независимостью от массовых движений.

К периферийным понятиям Р. Гриффин относит следующие:

- культ личности (возвеличивание лидера, вождя), сочетаемый с
- харизматическим, ритуальным, театральным стилем политики;
- парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;
- масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство;
- шовинизм;
- антисемитизм и евгеника;
- корпоративная экономика.

В числе новых понятий фиксируются: проблемы генной инженерии, аборт, иммиграция, экологии и т.д.

Таким образом, концептуальная модель фашизма, разработанная Роджером Гриффином и уточнённая в методологическом контексте идеологической морфологии Майкла Фридена, позволяет идентифицировать некоторую совокупность взглядов в качестве фашистских. Этот эвристический потенциал модели продемонстрировал сам Р. Гриффин, проанализировав идеологию итальянской партии «Национальный альянс» (Alleanza Nazionale) Джанфранко Фини^[14].

Подводя итог, можно сказать следующее. Изложенная выше аргументация позволяет операционализировать основные понятия, которые выполняют роль индикаторов фашистской идеологии. Базовыми компонентами такой идеологии являются два концепта:

- радикальный ультранационализм;
- идея посткризисного революционного возрождения (палингенез).

Гораздо более вариативными являются смежные понятия:

- крайне негативное отношение к либеральному индивидуализму, космополитизму и моральной нейтральности;
- критическое отношение к консерватизму за его неприятие революционных изменений;
- «творческий нигилизм» как основа создания новой политической культуры;
- подчеркнутый антиэлитаризм;
- пренебрежительное отношение к личности, подчинение её интересов и ценностей интересам коллектива;
- поиск «третьего пути» между капитализмом и социализмом;
- акцент на действии, превознесение воли и мужских принципов героизма, милитаризма и дисциплины;
- мистицизм как основа культуры.

Менее значимыми представляются периферийные концепты, такие как:

- культ личности и вождистский принцип;
- ритуальный, театральный стиль политики;
- парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;
- масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство;
- шовинизм;
- антисемитизм, евгеника и др.

Можно сделать вывод, что перечисленные признаки могут быть положены в основу программы социологического исследования, с целью выявления профашистских настроений, способных эволюционировать в массовое фашистское движение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Nerone J. Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 103
2. Lewis A. Coser Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, Vol. 8, No.
3. (Sep., 1957), pp. 197–207. 3. Mark Erickson Civilization and War/European Journal of Cultural and Political Sociology, 2014 Vol. 1, No. 1, 110–117
4. Ревзина О. Г. Память и язык. Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 10–24.
5. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность/Социологический журнал. 2012, № 3, С. 6–39
6. Мегилл А. История и память: за и против /Философия и общество. 2005 № 2, С132–165
7. Степанова В. Л. Социальная память как средство управления людьми. Электронный ресурс: http://socio.myl.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_
8. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. Издательство «Владимир Даль». Санкт, Петербург, 2003
9. Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. — Москва–Майкоп: Изд*во АГУ, 2010. — 280 с.
10. Andreas Muller/Territorial borders as institutions/European Societies. 2012. Vol. 14, Issues First, 1–20
11. Лапин В. В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. — 82
12. Ахмадов Я. З. «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI — XVIII веках». Грозный. 2009. Фадеев Р. А. «Шестьдесят лет Кавказской войны». Тифлис. 1860 г. ХОЖАЕВ Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Издательство «Седа». Грозный. 1998.
13. Смирнов Н. А., Мюридизм на Кавказе, М., 1963.
14. История Чечни с древних времен до конца XIX в. — 2-е издание дополненное. — Грозный.: ГУП «Книжное издательство» 2008.

15. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. — М., 2007
16. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 159.
17. Шнирельман В.: журнал Скепсис. <http://www.socpolitika.ru>
18. Рикёр П. Память, история, забвение. Перевод с французского. Издательство гуманитарной литературы. Москва. 2004
19. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // *НВ: Проблемы общества и политики.* — 2013. — 7. — С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Nerone J. Professional History and Social Memory // *Communication.* 1989. Vol. 11. P. 103
2. Lewis A. Coser Social Conflict and the Theory of Social Change. *The British Journal of Sociology,* Vol. 8, No.
3. (Sep., 1957), pp. 197–207. 3. Mark Erickson Civilization and Wag / *European Journal of Cultural and Political Sociology,* 2014 Vol. 1, No. 1, 110–117
4. Revzina O. G. Pamyat' i yazyk. *Kritika i semiotika.* Vyp. 10, 2006. S. 10–24.
5. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' / *Sotsiologicheskii zhurnal.* 2012, № 3, S. 6–39
6. Megill A. Istoriya i pamyat': za i protiv / *Filosofiya i obshchestvo.* 2005 № 2, S. 132–165
7. Stepanova V. L. Sotsial'naya pamyat' kak sredstvo upravleniya lyud'mi. *Elektronnyi resurs:* http://socio.my1.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_
8. Khatton P. Kh. Istoriya kak iskusstvo pamyati. Izdatel'stvo «Vladimir Dal'». Sankt, Peterburg, 2003
9. Sheudzhen E. A. Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoi pamyati. — Moskva–Maikop: Izd*vo AGU, 2010. — 280 s.
10. Andreas Muller / Territorial borders as institutions / *European Societies.* 2012. Vol. 14, Issues First, 1–20
11. Lapin V. V. Istoriya Kavkazskoi voyny. Posobie k lektсионному курсу. — SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2003. — 82
12. Akhmadov Ya. Z. «Ocherk istoricheskoi geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI — XVIII vekakh». Groznyi. 2009. Fadeev R. A. «Shest'desyat let Kavkazskoi voyny». Tiflis. 1860 g. KhOZhAEV D. Chechentsy v russko-kavkazskoi voine. Izdatel'stvo «Seda». Groznyi. 1998.
13. Smirnov H. A., Myuridizm na Kavkaze, M., 1963.
14. Istoriya Chechni s drevnikh vremen do kontsa XIX v. — 2-e izdanie dopolnennoe. — Groznyi.: GUP «Knizhnoe izdatel'stvo» 2008.
15. Khal'bvaks, M. Sotsial'nye ramki pamyati. — M., 2007
16. Nitsshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni / *Sochineniya:* V 2 t. M., 1990. T. 1. S. 159.
17. Shnirel'man V.: zhurnal Skepsis. <http://www.socpolitika.ru>
18. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. Perevod s frantsuzskogo. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. Moskva. 2004
19. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya 1. // *НВ: Problemy obshchestva i politiki.* — 2013. — 7. — С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html